

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE



Фишман Л.Г. Профессионалы морали: от риторики бесценного к политическому самосознанию // Анти-номии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 49–66.

УДК 321:177

DOI 10.17506/aip.2019.19.1.4966

ПРОФЕССИОНАЛЫ МОРАЛИ: ОТ РИТОРИКИ БЕСЦЕННОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ САМОСОЗНАНИЮ

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,

главный научный сотрудник

отдела философии Института философии

и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5062-8291

Материал поступил в редколлегию 18.01.2019 г.

Статья посвящена проблеме отсутствия в современной России прозрачных критериев оценки труда профессионалов морали и знания. Констатируются противоречивые мнения по этому вопросу. Мораль имеет денежную цену и одновременно обретается в области, которая много выше всякой экономики и рынка. Это позволяет профессионалам морали полагать, что общество находится перед ними в вечном и неоплатном долгу. Государство признает «бесценность» их деятельности, но при этом фактически помещает профессионалов морали на низкое место в формирующейся иерархии сословий нашего рентно-сословного общества. В статье обосновывается, что профессионалы морали и знания заинтересованы в выработке четких и понятных критериев оценки полезности новых и старых сословий и денежной стоимости их труда. Это подразумевает выдвижение требований перестройки экономической и политической сфер таким образом, чтобы производимые и культивируемые профессионалами моральные ценности были в них востребованы. В качестве

первого шага по обретению адекватного их положению политического самосознания рассматривается отказ от поощряемой властью демагогической риторики «бесценного».

Ключевые слова: мораль, труд, коммодификация, рынок, рентно-сословное общество.

Учительские зарплаты и риторика бесценного. На протяжении последних десятилетий разговоры о недостаточной денежной оценке труда учителей, врачей, военных и прочих категорий трудящихся, деятельность которых теснейшим образом связана с ключевыми для сохранения общества моральными нормами, стали привычными. В дальнейшем мы будем называть все эти социально-профессиональные группы *профессионалами морали*, поскольку, по нашему мнению, производство и воспроизводство ими моральных ценностей и норм, необходимых для регулирования общественных связей, имеют исключительное значение. Чтобы обосновать правомерность такого употребления терминов, мы должны сделать отступление.

Возникает резонный вопрос: почему в деятельности всех этих людей мы выделяем именно моральную составляющую, объединяя их в категорию профессионалов морали? Действительно, мы не можем сказать, что мораль является феноменом, который преимущественно вырабатывается профессиональными усилиями именно этих социально-профессиональных групп. С тем же основанием можно утверждать, что к ее формированию причастны священники, писатели, журналисты, деятели искусства, равно как и рядовые граждане, государство со всеми его институтами, рынок и т.д. В конечном счете, мораль вырабатывает общество в целом, но не кто-то или что-то по отдельности. Поэтому говорить о каком-то профессионализме в отношении производства морали можно лишь в том смысле, что некоторые социально-профессиональные группы и институты осуществляют *воспроизводство* общезначимых моральных норм более целенаправленно и искусно, чем другие, то есть более профессионально.

Тем не менее мы считаем возможным говорить о моральном профессионализме в более широком смысле – примерно в таком, в каком Макс Вебер рассуждал о «религиозных виртуозах». Мы исходим из того, что во всяком обществе есть, выражаясь упрощенно, и некие «усредненные» мораль и нравственность, и их высокие образцы, соответствие которым не без труда достигается рядовыми членами общества. Эти образцы почти всегда связаны с определенными социально-профессиональными группами. Их члены в ряде ситуаций обязаны *служить примером* для прочих членов общества, демонстрируя не только профессионализм в узком техническом значении этого слова, но и приверженность гораздо более строгим требованиям морали. От всякого ожидается помощь нищему и страждущему, но в большей степени этого ждут от священников и монахов. Всякий должен попытаться облегчить страдания упавшего на улице больного, но медик это обязан сделать, даже если он в данный момент наслаждается заслуженным отдыхом. Остановить насильника и бандита, вытащить погибающего из го-

рящего дома, защищать свою страну в случае вторжения – моральный долг каждого. Но только пожарный, полицейский или солдат *должны* это делать в любом случае и даже ценой своей жизни, потому что их профессионализм представляет собой одновременно завышенное, по сравнению со «средним», моральное обязательство. Поэтому когда недостатки армии, Церкви или какого-то иного института оправдываются тем, что они являются всего лишь «отражениями» и «слепками с» общества, то такие оправдания не принимаются в полной мере. Общество рассчитывает видеть в определенном рода профессионалах также и моральные образцы *хотя бы в ограниченной области*: вороватый священник и трусливый солдат именно на своих местах выглядят особенно аморальными типами. Иными словами, если Церковь, армия и т.д. в моральном смысле не выше общего среднего уровня, то зачем они такие нужны?

Поэтому мы имеем основание называть представителей ряда профессий также и профессионалами морали. И если, в частности, учителей, о которых преимущественно пойдет речь ниже, до сих пор официально воспринимают все еще как таких профессионалов морали в силу культурной инерции, то сама эта инерция обусловлена необходимостью иметь упомянутые выше образцовые морально-профессиональные группы.

Возвращаясь к исходному пункту, отметим, что в то же время подразумевалось, а часто и прямо говорилось, что на самом-то деле труд профессионалов морали бесценен¹ и не может описываться в терминах товаров или услуг. Более того, если послушать, каким образом, например, учителя² сами описывают свою социальную роль, то хочется, вслед за Некрасовым, воскликнуть: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!» И действительно учитель, под влиянием уважаемой традиции, исключительно высоко оценивает моральную роль и общественную значимость своего труда. Показателен образец этой, не всегда логичной и непротиворечивой, самооценки – в нем к учителю выдвигаются требования, исполнение которых сделало бы честь иному святому:

«...Никакие воспитательные программы не будут эффективны, если педагог постоянно не предстает перед обучающимися *примером нравственного и гражданского личностного поведения* (курсив здесь и далее наш. – Л.Ф.). <...> Нравственный кодекс учителя: “Море света впитать, дабы искру знаний передать”. Педагог просто обязан всю жизнь учиться сам, повышать уровень культуры, чтобы передавать и превращать полученные знания в “духовные и интеллектуальные мышцы” детей. Мы не случайно поставили на первое место “духовные мышцы”, потому что они

¹ Далее мы будем называть подобного рода риторику риторикой бесценного.

² Здесь мы имеем в виду преимущественно их и преподавателей вузов – как наиболее показательные группы профессионалов морали. Учитель должен представлять собой образец идеального члена общества, поскольку в его функции официально входит не только транслирование конкретных моральных норм, но и обучение юных и молодых сограждан ключевой способности познания, без которой в европейской культуре невозможно формирование полноценных морали и нравственности.

должны формироваться вначале. <...> “*Воспитывать человека кантовского типа*”. Человека, которого бы волновали в жизни две вещи, высказанные еще великим философом Кантом: “*Звездное небо надо мной и моральный закон во мне*”. <...> “Учитель – это Данко, несущий высоко над головой общества свое пылающее сердце”. Учитель – это особый тип личности, обязанный обладать *чистейшей душой*, благодаря которой сможет стать авторитетным человеком для своих воспитанников. Именно на основе собственного примера он может *заражать других благочестием, освещая им дорогу в будущее*. Воспитательный процесс – самый сложный из всех педагогических процессов, но, придерживаясь *общечеловеческих ценностей воспитания*, становится возможным формирование духовно-нравственной личности, способной из поколения в поколение передавать социально-эффективный опыт, отражающий *общие интересы человеческого рода, свободные от национальных, политических, религиозных и иных пристрастий*. Духовно-нравственное воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа, залогом сохранения его моральных ценностей, политической и экономической стабильности» (Антюфеева 2011).

Тем не менее говорившие так не забывали и о денежной цене своего труда, постоянно напоминая о том, что если не платить достаточно учителям и прочим профессионалам морали, то важнейшие моральные ценности некому будет проводить в жизнь, а тогда государство и общество придут к краху. Словом, с одной стороны, получалось, что мораль имеет денежную цену, а с другой – она ее не имеет и обретается где-то в чуть ли не божественной области, много выше всякой экономики и рынка. Это позволяет профессионалам морали обставлять дело так, будто общество и государство находятся перед ними в вечном и неоплатном долгу. Государство же охотно признает бесценность всей этой моральной профессиональной деятельности, но в то же время не торопится удовлетворять претензии всех профессионалов морали подряд; оно получает основание считать подобную риторику разновидностью морального шантажа, к которому и относится соответствующим образом (то есть по ситуации).

Обрисованные выше противоречивые требования и взаимоисключающие суждения профессионалов морали относительно своей социальной роли, по-видимому, будут звучать и далее, встречая ответ в виде такой же противоречивой риторики и социальной политики со стороны государства. Проблема заключается в том, что если оставлять ситуацию без рефлексии относительно ее источников, то мы и далее будем пребывать в плену противоречивых и демагогических суждений.

Мы будем исходить из того, что указанная проблема является частью проблемы более широкой, связанной с тем, что в постсоветской России по ряду причин не сложились прозрачные и понятные критерии, согласные которым оценивается и оплачивается не только труд профессионалов морали, но и вообще всякая общественно значимая деятельность. В советские времена было сравнительно понятно, почему ценен для общества тот или иной труд. Вслед за С. Кордонским (Кордонский 2007) можно

сказать, что советская «сословность» сопровождалась достаточно четкими критериями денежной оценки полезности тех или иных членов общества. Система оценки в общем строилась на том, что социальный паразитизм недопустим и всем необходимо трудиться. Более сложный и квалифицированный труд должен оплачиваться лучше, нежели труд менее сложный и квалифицированный, но при этом разница в оплате разных видов труда не может отличаться на порядки, упрощенно говоря, потому, что все добросовестно трудящиеся примерно одинаково устают в конце рабочего дня и всем им требуются приблизительно равные время и средства для воспроизводства своей рабочей силы. Исключения, разумеется, были, но, как правило, в совершенно особых, уникальных случаях. Отдельную проблему составляли привилегии номенклатуры. Однако характерно то, что *официальные* зарплаты партийно-хозяйственных работников были сопоставимы с заработной платой всех прочих членов общества. Это свидетельствовало о том, что собственно труд номенклатуры не тяжелей прочего и что ее привилегии имеют не совсем легитимный, политический характер.

Описанная выше сравнительно прозрачная и интуитивно понятная система оценки не удовлетворяла по разным причинам многих: одних ввиду «уравниловки», других – из-за привилегий номенклатуры, третьих – из-за невозможности прочно закрепить привилегии за собой и своими детьми. Поэтому они с радостью восприняли перспективу ее замены на другую систему, казавшуюся гораздо менее подверженной произволу и неотягощенной двойными стандартами – рыночно-капиталистическую. Профессионалы морали считали, что их эксклюзивные навыки и общественная полезность недооценены в советской системе, но уж точно окажутся востребованными рынком. Ведь на рынке просто не может быть не востребовано нечто, имеющее безусловную (как казалось) общественную ценность. Ожидалось, что последний воздаст всем адекватно их профессиональным, личностным, деловым и прочим качествам.

Некоторое время люди верили, что одна относительно четкая система оценки труда вытесняется другой, не менее, а то и более четкой и справедливой. Труд имеет цену, если пользуется спросом; его цена подчиняется законам рынка; любой действительно полезный труд непременно будет справедливо оплачен и т.д.

Тут не имеет смысла рассказывать о том, как было жестоко разочаровано подавляющее большинство испытывавших подобного рода иллюзии. Важней другое. Во-первых, выяснилось, что рынку в целом безразлична общественная полезность труда очень многих людей – прежде всего, производителей знаний, моральных и эстетических ценностей. Во-вторых, стало очевидно, что отнюдь не все ресурсы распределяются на рынке, а все большая их часть распределяется государством... и нередко не через его официальные и формально подотчетные обществу институты. Также оказалось, что у тех, кто ведал этим распределением, свои представления о справедливой оценке труда тех или иных сословно-профессиональных групп.

Ввиду всего перечисленного профессионалы морали, среди прочих подобных профессионалов, оказались в крайне уязвимом положении. Они не могли твердо рассчитывать на рынок. Также быстро стало ясно, что в новой сословной иерархии им достались невысокие места, если не сказать жестче. Поэтому в условиях формирования в России рентно-сословного общества (Мартьянов 2016) разговор, к примеру, об учительских зарплатах ведется в весьма характерных категориях: «...выстраивая табель о рангах, в определении заработной платы учителям чиновники не ставят наставников молодежи в первые ряды. Недаром многими из них все чаще вспоминается дословный перевод с греческого языка слова “педагог” – это раб, который занимался воспитанием мальчиков с семилетнего возраста» (Какая зарплата... 2018). При этом, пытаясь изменить свое положение, они не находят ничего лучшего, кроме как прибегать к описанной выше риторике бесценного. Однако эта риторика вполне удовлетворяет и государство, поскольку она не подразумевает выработки сколь-нибудь четких критериев денежной оценки труда. Более того, в парадигме именно этой риторики работа профессионалов морали и знания оказывается чистой воды «следованием призыванию», «самореализацией», «творчеством», «хобби за государственный счет», то есть тем, за что государство и общество, строго говоря, платить вовсе не обязаны, а если и делают этого, то из милости, за которую следует быть благодарным.

Нечего жаловаться на бедность – это цена «творчества» и «свободы». Так фактически отвечает государство, когда жалобы и возмущение становятся слишком назойливыми. И это, по сути, та же самая песня неолиберального «нового духа капитализма», которая призывает людей освобождаться от «рутины постоянной занятости» во имя «свободы», «креативности» и «мобильности». Показательно, что в этой песне переплетаются как мотивы апелляции к оценивающей роли рынка (государство как бы говорит: попробуйте получить за свой труд на рынке больше!), так и риторика бесценного. И обе эти риторики (и низкая рыночная, и высокая ценностная) парадоксальным образом сходятся в одной точке, обесценивая труд профессионалов морали в материальном отношении.

Профессионалы морали и знания заинтересованы в том, в чем не заинтересованы доминирующие социальные группы нашего неосословного государства. А именно – в выработке четких и понятных критериев оценки полезности новых и старых сословий и денежной оценки их труда. Но, чтобы сделать хотя бы первые шаги по направлению к этому, им необходимо отказаться от поощряемой властью демагогической риторики бесценного. Надо уяснить себе, что у профессионалов знания и морали, как, впрочем, и у подавляющего большинства нашего общества, не может быть *общей* с правящими элитами риторики бесценного. Не может быть

¹ По данным социологических опросов доля учителей, недовольных своей зарплатой, за период с 2014 по 2016 г. выросла с 53,2 до 65,3% (Ломская 2017). При этом недовольство зарплатой отошло на второй план по сравнению с раздражением от внеучебной нагрузки, в том числе большого количества документации и отчетности. В 2018 г. доля недовольных зарплатой составляла 60% (Звездина 2018).

ни общего понимания «разумного, доброго, вечного», ни общего «патриотизма», ни даже общей «России» у тех, кто живет на зарплату учителя и жалование министра.

Поэтому в эпоху коммодификации, когда учителям школ платят недостаточно и заваливают бессмысленной отчетностью¹, в плане роста «классового самосознания» следует начинать с указания на то, что это труд, который стоит денег. Что, к примеру, рекреативные расходы учителя ничуть не менее достойны компенсации, чем расходы на рекреацию депутата или министра.

Стоит ли мораль денег? Словом, нужно начинать с прямой постановки вопроса: имеет ли мораль, равно как и прочие якобы «бесценные» ценности, выразимую в деньгах цену?¹

Ответ на этот вопрос, конечно же, положительный. Мораль давно уже и по самым разным поводам *оценивается*² денежно. Другое дело, что об этом обычно не говорят прямо и не пытаются скрупулезно подсчитывать ее стоимость и потому в период развития капитализма мораль обычно выступает как что-то вроде дармового ресурса.

То, что мораль имеет денежную цену, – совсем не фигура речи. Это четко осознавал как минимум уже молодой Маркс, который ввел понятие «товарного фетишизма», основанного на иллюзии того, что ценность присуща самим товарам. В действительности их ценность определяется трудом людей в определенных социальных условиях производства. Но что такое труд людей? Это труд людей во всей их полноте, в том числе и в смысле приверженности их определенным моральным нормам. В сущности, популярные представления о бесценности учительского и прочего подобного труда базируются на забвении этого. Они подразумевают, что товары и услуги обладают самостоятельной ценностью, производимой чисто экономическим образом, в отделенной от общества сфере экономики, что экономика по отношению к морали есть что-то сугубо внешнее, а ценности товарные существуют в ином измерении, нежели ценности моральные. Тогда как в действительности товары производятся людьми во всей их целостности, то есть в том числе и путем их морального участия, которое, таким образом, приобретает денежную цену. Рынок *не* вторгается в сферу морали, придавая денежную стоимость тому, что раньше якобы не продавалось и не покупалось за деньги. Рынок всего лишь делает моральную компоненту стоимости всех товаров видимой для тех, кто задается целью увидеть ее.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько бросающихся в глаза фактов. Как минимум с античности и Средневековья стоимость морали

¹ Надо подчеркнуть, что имеется в виду именно мораль, а не рабочая сила или время, затраченное на образовательно-воспитательную деятельность. Если бы речь шла исключительно о последнем, то, очевидно, эта деятельность ничем не отличалась бы от производства прочих товаров и услуг и тогда не стоило бы говорить о ее бесценности.

² Что не означает, что она *непосредственно* продается. Скорее, мораль относится к товарам, продающимся опосредованно.

если не прямо, так косвенно учитывается в цене товаров. По крайней мере, это верно с тех пор, как появились представления о профессиональной этике, а также вообще о связи между качеством товара или услуги и моральным обликом их производителя. Хороший врач следует клятве Гиппократова, искусный ремесленник – гильдейским установлениям; всегда выше ценится работник (в том числе и индустриальный пролетарий), который добросовестен, честен, трудолюбив и т.д., то есть обладает соответствующим набором моральных качеств. Как иронично замечает Дж. Боулз, «неудивительно, что, не считая домашних работ по предмету “экономика”, люди не воспринимают *homo economicus* всерьез. Работодатели предпочитают нанимать исполнителей сотрудников; банки предпочитают одалживать деньги тем заемщикам, которые будут вести свои дела, как обещано, а не отвлекаться на рискованные проекты» (Боулз 2016: 119). В принципе, стоимость морали с достаточной точностью высчитывается по разнице между ценой на товары и услуги морально лицензированных и морально не лицензированных производителей.

Правда, вслед за Дж. Малганом можно заметить, что «превращение отношений в ценность вплоть до недавних времен имело относительно небольшое значение в рамках экономики: “Частный врач, терапевт и консультант, лавочник или парикмахер, который берет дороже, но вас знает лучше, – все они превращают отношения в ценность. Но в индустриальную эпоху это были маргинальные сектора, вытесненные масштабной экономикой массового производства и розничной торговли”» (Малган 2014: 229). Значение это, однако, предстает вовсе не маргинальным, если мы, во-первых, вспомним, что и в доиндустриальную эпоху принцип превращения «отношений в ценность» (читай – в стоимость) имел место в системе государственных или даруемых государством монополий и лицензий, которая прямо или косвенно апеллирует к морали: ведь государство хотя бы формально берет на себя гарантии качества и исполнения. Во-вторых, данное значение еще более возрастает, когда мы обращаемся к основным парадигмам, ставящим своей целью выявить культурные корни капитализма. Придерживаемся ли мы реалистической или волюнтаристской версии зависимости «успешной экономики» от культуры, в любом случае мы признаем, что разница между более или менее успешной экономикой (сводимая, к примеру, к ВВП на душу населения) имеет моральную подоплеку. Если мы считаем, что «культура имеет значение» (Харрисон, Хантингтон 2002), то большая стоимость экономики, скажем, Германии или Америки, чем России или Индии, объясняется нами тем, что моральные ценности иудаизма, католицизма и протестантизма стоят дороже моральных ценностей православия или индуизма. В том случае, когда мы, вслед за волюнтаристами, разницу в стоимости экономик возлагаем на «хорошие» и «плохие» социально-политические институты, мы снова исходим из того, что одни моральные ценности стоят больше других (поскольку институты – это не только организационные структуры, но и ценностно-нормативные комплексы). И в этом случае, вероятно, можно получить достаточно точное представ-

ление о цене морали, сравнив, к примеру, инвестиции в страны с «хорошими» или «плохими» институтами.

Сегодня для большинства населения денежная стоимость того, что ранее якобы нельзя было купить за деньги, становится очевидной. С этим, в частности, связан интерес к проблематике коммодификации всего и вся. Но *коммодификация становится особенно заметной и начинает вызывать обеспокоенность по мере того, как доля моральной компоненты в стоимости товаров, по ряду причин, снижается, зато ее доля в стоимости услуг (что касается подавляющего большинства трудоспособного населения и потребителей) возрастает*. Иными словами, моральная составляющая стоимости, скажем, автомобилей или фенов сводится к минимуму по той причине, что участие людей в их изготовлении (например, в силу автоматизации и роботизации) уменьшается. Вместе с тем «поражает не рост использования технологий облачного хранения и обработки данных или геномной терапии, но, скорее, переход от экономики, состоящей из вещей, из производства, продажи и потребления, к экономике, основанной на отношениях, обслуживании и заботе» (Малган 2014: 228). Корпоративный мир все чаще начинает описываться как «пронизанный заботами об эмоциональной жизни работников, хотя и во имя эффективности и продуктивности» (Masekura et al. 2016: 142). Или же, к примеру, кредитные рынки характеризуются как структурированные моральными оценками – допустим, в случае дурной славы должников, когда кредитные баллы выступают в качестве критериев личной оценки. Здесь речь уже прямо идет о денежной цене определенных моральных ценностей (Fourcade, Nealy 2013).

Так или иначе, растет доля людей, занятых в «экономике отношений» (около 65% в России, до 70–80% в наиболее развитых странах Америки и Европы) (Экономика России... 2015). Они, как и учителя, становятся тоже своего рода профессионалами морали. Касательно профессии учителя подмечено, что «если у учителя есть определенные моральные недостатки, то, возможно, у него имеются и профессиональные недостатки» (Васянович) и хотя давно известно, что моральные недостатки учителя снижают его качество как профессионала, обычно при разговоре об учителях не обращаются к низким рыночным категориям. Зато такой разговор ведется в этих категориях по поводу многочисленных работников сферы услуг, для которых следование определенным моральным нормам является необходимым условием профессионализма в «работе с людьми». Иными словами, теперь большинство работников *фактически осознанно* культивируют в себе определенную мораль и продают ее за деньги.

Поэтому для них исчезает возможность утешаться тем, что они продают *только* свою рабочую силу, свою квалификацию, знания и пр., но не «душу». А именно это и было одной из причин сравнительного морального комфорта трудящихся эпохи фордизма, для которых мораль являлась чем-то внешним по отношению к рынку. Да и сами они на рынке только работали и торговали, но «жили как люди» в частном мире семьи, который был радикально отделен от мира труда, равно как и личные отношения отделялись от профессиональных (Болтански, Кьяпелло 2011: 167). Но эпоха фордизма

закончилась, по крайней мере для граждан стран с «постиндустриальными» экономиками. Теперь человек чем дальше, тем больше *сознательно* продает самого себя, действуя в неолиберальной логике самопредпринимательства. Правда, раньше он занимался тем же самым, но этот факт от него скрывали покровы идеологии, которая создавала для него иллюзию наличия автономной от экономики области чистой морали в частной жизни. Однако и частная жизнь становится все менее частной по мере того, как новые тенденции в области занятости размывают грань между досугом и работой. В частности, проблема нахождения баланса между работой и личной жизнью является одной из самых острых для независимых профессионалов-фрилансеров (Стребков, Шевчук, Спирина 2015: 187-188).

Так что же могут продать профессионалы морали? Из сказанного выше следует, что профессионалы морали и знания уже, в сущности, почти ничем не отличаются от прочих «работающих с людьми»: точно так же они продают свою «душу» и свою мораль. Отличие их заключается в том, что они еще должны учить определенной морали других членов общества. Наряду со знаниями и навыками, стоимость которых традиционно измеряется в деньгах, профессионалы морали прививают ученикам (студентам) ценности, которые *могут быть* прямо или косвенно измерены таким же образом. Ясное осознание того, что эти ценности имеют решающее экономическое значение, укрепило бы позицию учителей и подобных им профессионалов морали. Их претензии обрели бы экономическую основу, если бы только наши профессионалы морали четко представляли, что от них требуется.

Как отмечают авторы монографии «Русская культура труда и иностранное влияние», сегодня «все прежние (из индустриальной эпохи) критерии отбора перспективных работников и менеджеров во многом лишаются практического значения. <...> В этой связи для национальной экономики России обостряется вопрос развития преимуществ и востребованности качеств русских работников и русских традиций менеджмента на глобальном уровне» (Карачаровский, Шкаратан, Ястребов 2015: 23). Проблема заключается в следующем: сейчас нет ясности насчет того, какова экономическая ценность морали, которую пытается прививать наша система образования. Нет ясности и насчет того, какой именно она должна быть с учетом объективных потребностей российской экономики. Советская (как и современная ей западная) трудовая этика плохо вписывается в реалии общества, вынужденного (в силу деградации индустрии) позиционировать себя как «тоже постиндустриальное» или «информационное». Правда, в этом «тоже постиндустриальном» обществе в сфере услуг занят примерно такой же процент трудоспособного населения, как и в его западных аналогах. Адекватная такому типу занятости трудовая этика означает в буквальном смысле слова умение «продавать себя», – умение, которому учат многочисленные руководства по менеджменту, работе с персоналом и «с людьми», корпоративные кодексы и т.д. и только начинает, переступая через себя, учить современная школа посредством так называемого компетентностного подхода. Но в чем заключается его цель? Компетент-

ностный подход в сфере этики, как и во всем остальном, не учит ничему конкретному, то есть *не прививает ученику какой-то определенной системы ценностей*. Результатом образования должно стать формирование индивида, «готового к переменам», «хорошего сотрудника», «способного работать в команде», «динамичного», умеющего «действовать в ситуации неопределенности», «ориентироваться в мире духовных ценностей, отражающих разные культуры и мировоззрения» (Лебедев 2004) и т.д. *Словом, если у нас сейчас и складывается сама по себе общепринятая картина потребной для сферы услуг трудовой этики, то в этом не может быть никакой заслуги системы образования по той простой причине, что собственно трудовой этике она и не учит.*

Уникальность позиции учителя в эпоху индустриального общества как профессионала морали среди прочих таких же профессионалов заключается в том, что он учит сразу морали и экономической, и гражданской, и политической. Немаловажно и то, что все эти виды морали представляются равно значимыми и весомыми как в глазах общества, так и в глазах государства. Педагог индустриальной эпохи учил одновременно публично (экономически, политически, граждански) востребованным ценностям и ценностям, которые не имели явной публичной ангажированности, являясь принадлежностью частной жизни. К одной области относились добросовестность в работе, честность в сделках, патриотизм и иные ценности, потребные при исполнении гражданского долга. К другой – представления о красоте, добре и истине, которые вовсе не обязательно пригодились в публичной жизни, а порой и мешали достигнуть успеха в ней, но без которых не мыслилось полноценное человеческое существование. Все это оказывалось возможным в силу разделения публичной и частной жизни, «экономики» и «общества», работы и досуга и пр., свойственного эпохе фордизма. Фактически получалось, что учитель являлся «учителем жизни» – он учил и полезному (в «низком» утилитарном смысле) и бесполезному (в смысле духовном и высоком), причем и то и другое воспринимались как равно необходимые. Со всем этим и было связано представление об исключительной роли учителя, равно как и самооценка самих представителей учительского сообщества.

Возвращение высокого статуса окажется возможным тогда, когда будет эмпирически выявлено новое сочетание социального значимого «полезного» и «бесполезного», которому мог бы обучить преподаватель. Возможно ли сейчас такое в принципе? Надо учитывать, что сейчас актуальна тенденция стирания грани между работой и досугом, а человек в неолиберальной парадигме становится объектом и субъектом рынка во всей полноте своих качеств. Как замечает В. Браун, с неолиберальной точки зрения «и люди, и государства устроены по образцу современной компании, и те и другие должны в своем поведении стремиться к максимизации своего капитала в настоящем и в будущем, и те и другие практикуют с этой целью предпринимательство, саморазвитие и (или) привлечение инвесторов» (Браун 2018: 126). В общем, когда все может быть продано, исчезает граница между «полезным» и «бесполезным». Поэтому учителю как одному из многих

конкурирующих на рынке профессионалов морали придется превратиться в своего рода виртуоза хождения по грани полезного и бесполезного. Ему придется стать человеком, который способен в почти насковзь коммодифицированном мире каждый раз вновь проводить границу между тем, что продают «все», и тем, что ты не желаешь продавать лично, – и одновременно учить своих подопечных торговать собой за настоящую цену без лишних моральных терзаний.

* * *

Заключая, мы можем заметить, что профессионалы морали не способны радикально изменить своего положения, взывая к абстрактным «вечным ценностям». В эпоху «постфордизма», «информационного общества», «постиндустриализма» теряет значение свойственная минувшей эпохе трудовая этика (Ильченко, Мартъянов 2015). По мере того как исчезает необходимость массовых армий, ослабевает и значимость воспитания в стенах школы специфического военного патриотизма и готовности к самопожертвованию во имя нации. Тем не менее остается необходимость воспитания патриотизма в самом общем смысле – как лояльности стране, ее господствующей идеологии, политическим институтам, властвующим элитам, но пуще всего – абстрактному «обществу», которое непременно рухнет, как только все эти виды лояльности будут утрачены. Как говорил молодой Маркс, политика – «небеса» буржуазного общества. И сейчас мы видим, что последний значимый источник денежной оценки «бесценной» морали оказывается в области политики и общества, к которой только и остается апеллировать профессионалам морали.

Нельзя сказать, что эти апелляции остаются не услышанными. На фоне утраты значимости экономической морали воспитание лояльности власти, патриотизма и т.д., которое осуществляет система образования, необходимо государству в какой-то мере даже больше, чем прежде. Если человек все меньше требуется в качестве работника, создающего своим трудом богатство страны, то он имеет еще некоторую ценность как часть гражданского сообщества, легитимирующего своим согласием существующий политический режим. Но гораздо большую ценность он приобретает в качестве чиновника, или военного, или полицейского, что отражается в количественном росте этих страт.

Этим слоям, правда, недостаточно приверженности тем общим для всех граждан ценностям, которые призвана культивировать система образования. Они вырабатывают свою сословную «этику добродетели» (Фишман, Мартъянов 2016), которая должна обосновать их привилегированное положение. Их корпоративные моральные кодексы, являясь следствием своего рода моральной сегрегации (Фишман 2016) от прочего общества их носителей, стоят ощутимо дороже, чем общеупотребительные. Они обладают значительно большей степенью конкретности, чем беспредметные поучения в стиле компетентностного подхода, что и проявляется в занятии более выгодной позиции в системе распределения сословной ренты. Но что это означает для преподавательского сообщества профес-

сионалов морали? Утрачивая функцию производителей экономической морали, они отбрасываются в ряды производителей только политической и гражданской морали. Но там они заведомо не будут занимать сколь-нибудь привилегированных позиций, ибо те давно уже заняты другими. Последние же вовсе не заинтересованы выработать четкие и прозрачные критерии денежной оценки своих и чужих моральных ценностей. Нынешнее правящее меньшинство уже достаточно далеко продвинулось по пути организации «сетевое управления», в котором доминирующие сетевые коалиции правящего класса борются почти исключительно за перераспределение ресурсов, все более игнорируя нужды остального общества. Поскольку же сети «как носители патрон-клиентской этики не могут выступать в качестве источника морально-этического притяжения для общества, то манипулирование и дезинформация становятся для сетевого сообщества правящего класса основными инструментами организации политического дискурса» (Соловьев 2018: 100). Поэтому, в частности, если в собственной среде группировки правящего класса говорят на рациональном языке наличия или отсутствия необходимых для решения задач ресурсов и возможностей фактического влияния на центры принятия решений, то имитацию диалога с теми же учителями им гораздо удобней вести в религиозно-апокалиптических терминах грядущего краха общества и государства.

Учителя как традиционные профессионалы морали не являются проводниками наиболее дорогих в денежном смысле систем ценностей. Корпоративные моральные кодексы привилегированных сословий вырабатываются и озвучиваются не в большинстве российских школ и вузов, а где-то в других местах. На долю рядовых профессионалов морали остается лишь воспитывать нечто среднее между неспециализированным и непривилегированным патриотом и квалифицированным потребителем.

Чтобы изменить свое положение, самой массовой из когорт профессионалов морали придется начать с переосмысления критериев оценки своей социальной роли. Изменение политического самосознания подразумевает изменение категорий самоописания. Чем громче раздаются крики о бесценности своей социальной функции и своего морального капитала, тем больше у правящих элит оснований оставить все как есть, ограничиваясь периодическими подачками в социальной сфере. Сейчас на любое возмущение по поводу якобы неэквивалентной оплаты услуг профессионалов морали персоны вроде нашего председателя правительства могут вполне резонно заявлять, что если учителя хотели высоких доходов, то им следовало бы заняться бизнесом. Следует осознать, что риторика бесценного является одним из важнейших условий практики подачек и обещаний подачек в социальной политике.

Поэтому необходим не просто отказ от риторики бесценного в пользу приземленной риторики цены труда и моральных ценностей. Следующим шагом должно стать выдвижение политической программы, подразумевающей переориентацию образования на внедрение достаточно четко сформулированных систем ценностей. А эти ценности, в свою очередь,

должны отвечать потребностям экономики, ориентированной на производство высокотехнологичной и наукоемкой продукции, а также аналогичных услуг, повышающих качество жизни всех граждан. Иными словами, требование платить за труд по созданию и культивации экономически актуальных моральных ценностей влечет за собой требование перестройки экономической и политической сфер *таким образом, чтобы эти ценности были в них востребованы* (например, посредством учреждения уже благополучно позабытых обещанных 25 миллионов высокотехнологичных рабочих мест).

В конечном счете это означает разрушение и трансформацию складывающегося в России рентно-сословного общества. Но готовы ли наши профессионалы морали и знания к пониманию проблемы именно таким радикальным образом? Сегодня они находятся в положении заложников. До сих пор их право на долю ренты прямо не отрицалось правящими элитами, являясь органичной частью рентно-сословного политического порядка. В определенной степени такое положение было удовлетворительным, поскольку избавляло от достаточно бесперспективных поисков работы на рынке труда. Кроме того, как мы указывали выше, государству и правящим элитам необходимы профессионалы морали и знания – если только они окажутся способными смириться со своим по определению низким и все более понижающимся социальным статусом. Проблема заключается в том, что политика правящих элит по отношению к профессионалам морали и знания, равно как и прочим группам населения, фатально противоречива. С одной стороны, элиты стремятся гарантировать политическую лояльность большинства граждан путем оформления контролируемой рентной зависимости все большего количества социальных групп от государства. В то же время, особенно в период экономического кризиса, элиты не могут отказаться от естественного для них «передела в свою пользу общего объема ренты путем снижения социальной поддержки населения» (Мартыанов 2016: 122). Поэтому, каковы бы ни были субъективные предпочтения отечественных профессионалов морали и знания, обостряющиеся противоречия нашего рентно-сословного общества рано или поздно заставят покинуть их «зону комфорта» – в полном соответствии с рекомендациями некоторых государственных чиновников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антюфеева Н.К. 2011. Роль современного учителя в духовно-нравственном развитии и воспитании гражданина России [Электронный ресурс] // Все для классного руководителя! : пилот. вып. С. 9-10. URL: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_13_0_600.pdf (дата обращения: 28.02.2019).

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М. : Новое лит. обозрение. 976 с. (Б-ка журн. «Неприкоснов. запас»).

Боулз С. 2016. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан // Эконом. социология. Т. 17, № 4. С. 100-128.

Браун В. 2018. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта // Неприкоснов. запас № 4. С. 99-129.

Васянович П.И. Педагогична етика [Электронный ресурс]. URL: http://uchebnikirus.com/etika_estetika/pedagogichna_etika_-_vasyanovich_gp/pedagog_subyeckt_moralnih_vidnosin.htm (дата обращения: 28.02.2019).

Звездина П. 2018. Более половины учителей в России пожаловались на зарплату [Электронный ресурс], 20 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/03/2018/5aaa47b99a79479af83dd36c> (дата обращения: 11.03.2019).

Ильченко М.С., Мартьянов В.С. (ред.) 2015. Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М. : Полит. энцикл. 279 с.

Какая зарплата у учителей? [Электронный ресурс], 29.05.2018. URL: <http://iqreview.ru/profession/kakaya-zarplata-u-uchiteley/> (дата обращения: 28.02.2019).

Карачаровский В.В. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. 2015. Русская культура труда и иностранное влияние. М. : Страна Оз. 224 с.

Кордонский С.Г. 2007. Ресурсное государство. М. : REGNUM. 108 с.

Лебедев О.Е. 2004. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. № 5. С. 3-12.

Ломская Т. 2017. Учителя разочаровались в указах Путина [Электронный ресурс], 08.08. URL: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=9925758> (дата обращения: 11.03.2019).

Малган Дж. 2014. Саранча и пчела: Хищники и творцы в капитализме будущего. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 400 с.

Мартьянов В.С. 2016. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкоснов. запас. № 5. С. 106-124.

Соловьев А.И. 2018. Правящее меньшинство современной России: камо грядеши? // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис. Т. 5. С. 87-110.

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. 2015. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 225 с.

Фишман Л.Г. 2016. Борьба с коррупцией как политика сегрегации // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 31-49.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58-68.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) 2002. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Моск. шк. полит. исслед. 320 с.

Экономика России, цифры и факты. Часть 14. Сфера услуг [Электронный ресурс], 30.07.2015. URL: <https://utmagazine.ru/posts/10567-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-14-sfera-uslug> (дата обращения: 28.02.2019).

Fourcade M., Healy K. 2013. Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era // Accounting, Organizations and Society. Vol. 38, № 8. P. 559-572.

Macekura S. et al. 2016. The Relationship of Morals and Markets Today: A Review of Recent Scholarship on the Culture of Economic Life / Macekura S., Mcrorie C., Cebul B., Ticona J., Maiers C., Elias A., O'Connor J., Schrum E. // An Interdisciplinary Journal. Vol. 99, № 2. P. 136-170.



L. Fishman. Professionaly morali: ot ritoriki bestsenngo k politicheskomu samosoznaniyu [Morality professionals: from rhetoric of priceless to political identity], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 49–66. (in Russ.).

Leonid G. Fishman, Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Principal Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5062-8291

Article received 18.01.2019, accepted 11.03.2019, available online 01.04.2019

MORALITY PROFESSIONALS: FROM RHETORIC OF PRICELESS TO POLITICAL IDENTITY

Abstract. The article focuses on the lack of transparent criteria for evaluating the work of morality and knowledge professionals in Russia today. There are many contradictory opinions on this issue. Morality simultaneously has a monetary price, and exists in the realm that is far above any economy and market. This enables morality professionals to believe that society is in an eternal and unpaid debt to them. The state recognizes the “pricelessness” of their activities, but at the same time, actually puts morality professionals on the low level in the emerging hierarchy of classes in our rent-estate society. The author substantiates that morality and knowledge professionals are interested in developing clear and understandable criteria for assessing the usefulness of the new and old classes, and monetary value of their work. This implies raising demands on restructuring economic and political spheres, so that they would include moral values produced and cultivated by professionals. The author considers that the first step of professionals in finding political identity adequate to their position is to reject the demagogic “priceless” rhetoric encouraged by the authorities.

Keywords: morality; labor; commodification; market; rent-estate society.

References

Antyufeeva N.K. *Rol' sovremennogo uchitelya v dukhovno-nravstvennom razvitii i vospitanii grazhdanina Rossii* [The role of the modern teacher in the spiritual and moral development and education of a citizen of Russia], *Vse dlya klassnogo rukovoditelya! : pilotnyy vypusk*, 2011, pp. 9-10, available at: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_13_0_600.pdf (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Boltanski L., Chiapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [The new spirit of capitalism], Moscow, Novoe litkeraturnoe obozrenie, 2011, 976 p. (in Russ.).

Bowles S. *Moral'naya ekonomika: pochemu khoroshie stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan* [The moral economy: Why good incentives does not replace good citizens], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 100-128. (in Russ.).

Brown W. *Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyyaet gosudarstvo i sub'yekta* [Destruction of democracy: how neoliberalism transforms the state and the subject], *Neprikosnovenny zapas*, 2018, no. 4, pp. 99-129. (in Russ.).

Ekonomika Rossii, tsifry i fakty. Chast' 14. Sfera uslug [Economy of Russia, figures and facts. Part 14. Servant sphere], July 30, 2015, available at: <https://utmagazine.ru/posts/10567-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-14-sfera-uslug> (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Fishman L.G. *Bor'ba s korruptsией kak politika segregatsii* [Fighting corruption as a policy of segregation], V.N. Rudenko (red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii* : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf., Yekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 31-49. (in Russ.).

Fishman L.G., Martyanov V.S. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [Ethics of Virtue for New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68. (in Russ.).

Fourcade M., Healy K. *Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era, Accounting, Organizations and Society*, 2013, vol. 38, no. 8, pp. 559-572.

Harrison E., Huntington S.P. (eds.) *Kul'tura imeet znachenie: Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002, 320 p. (in Russ.).

Ilchenko M.S., Martyanov V.S. (eds.) *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 279 p. (in Russ.).

Kakaya zarplata u uchiteley? [What is the salary of a teacher?], May 29, 2018, available at: <http://iqreview.ru/profession/kakaya-zarplata-u-uchiteley/> (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Karacharovskiy V.V. Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. *Russkaya kul'tura truda i inostrannoe vliyaniye* [The Russian Labour Culture and Foreign Influence], Moscow, Strana Oz, 2015, 224 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Resursnoye gosudarstvo* [Resource State], Moscow, REGNUM, 2007, 108 p. (in Russ.).

Lebedev O.E. *Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii* [Competence approach in education], *Shkol'nye tekhnologii*, 2004, no. 5, pp. 3-12. (in Russ.).

Lomskaya T. *Uchitelya razocharovalis' v ukazakh Putina* [Teachers are disappointed in the decrees of Putin], August 08, 2017, available at: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=9925758> (accessed March 11, 2019). (in Russ.).

Macekura S., Mccrorie C., Cebul B., Ticona J., Maiers C., Elias A., O'Connor J., Schrum E. *The Relationship of Morals and Markets Today: A Review of Recent Scholarship on the Culture of Economic Life, An Interdisciplinary Journal*, 2016, vol. 99, no. 2, pp. 136-170.

Malgan J. *Sarancha i pchela: Khishchniki i tvortsy v kapitalizme budushchego* [The Locust and the Bee], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2014, 400 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Rentno-soslovnaya transformatsiya rossiyskogo obshchestva* [The rent-estate transformation of Russian society], *Neprikosnovennyy zapas*, 2016, no. 5, pp. 106-124. (in Russ.).

Solovyev A.I. *Pravyashchee men'shinstvo sovremennoy Rossii: kamo gryadeshi?* [The ruling minority of modern Russia: where are you going?], A.V. Duka (resp. ed.) *Vlast' i elity*, St. Peterburg, Intersotsis, 2018, vol. 5, pp. 87-110. (in Russ.).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. *Razvitie russkoyazychnogo rynka udalennoy raboty, 2009–2014 gg. (po rezul'tatam Perepisi frilanserov)* [Development of Russian-speaking remote work market, 2009–2014 (based on Data of the Russian freelancers' census)], Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2015, 225 p. (in Russ.).

Vasyanovich P.I. *Pedagogichna etika* [Pedagogical ethics], available at: http://uchebnikirus.com/etika_estetika/pedagogichna_etika_-_vasyanovich_gp/pedagog_subyekt_moralnih_vidnosin.htm (accessed February 28, 2019). (in Russ.).

Zvezdina P. *Bolee poloviny uchiteley v Rossii pozhalovalis' na zarplatu* [More than half of teachers in Russia complained about their salary], March 20, 2018, available at: <https://www.rbc.ru/society/20/03/2018/5aaa47b99a79479af83dd36c> (accessed March 11, 2019). (in Russ.).